

Сумарокова Ольга Леонидовна
Ol'ga Sumarokova

кандидат исторических наук,
научный консультант Общественного Фонда
«Единство Наций», Бишкек (Киргизская Республика).
PhD (the historical sciences),
scientific consultant of the Public Fund
"Unity of Nations", Bishkek (Kyrgyz Republic).
E-mail: futureya@rambler.ru

УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ИСЛАМСКИХ УЧИЛИЩ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (НА МАТЕРИАЛАХ КИРГИЗИИ)

The educational system of Turkestan Islamic schools at the end of XIX – the beginning of the XX centuries (on materials of Kyrgyzstan)

Ключевые слова: Туркестанский край, Российская империя, конфессиональная школа, мектеб, медресе, исламское образование, каллиграфия, кочевая культура, киргизское народное творчество.

Key words: Turkestan, the Russian Empire, the confessional school, Mekteb, Madrasah, Islamic education, the calligraphy, nomadic culture, Kyrgyz folk art.

Аннотация. В середине XIX столетия огромные территории Средней Азии, населенные преимущественно последователями исламского вероучения, вошли в состав Российской империи. Функционировавшие там конфессиональные учебные заведения – медресе и мектебы – отличались специфической учебно-воспитательной системой, не соответствовавшей общеимперским образовательным стандартам. В статье предпринята попытка изложить основные принципы их работы, указать на их достоинства и недостатки в соответствии с европоцентристской ценностной системой, раскрыть тесную связь религии, просвещения и принципов художественно-эстетического воспитания в среднеазиатской культуре. По мнению автора, несмотря на ряд ограничений в области искусства, обусловленных принципами ислама, киргизский народ продолжал создавать свои уникальные формы искусства в соответствии с внутренними законами кочевой цивилизации.

Abstract. In the middle of the XIX century the huge territories of Central Asia occupied mainly by followers of Islamic dogma have become a part of the Russian Empire. The confessional educational institutions were functioning there – Madrasah and Mekteb – differed in the specific teaching and educational system which wasn't conforming to all-imperial educational standards. The author tries to set out the basic principles of their work, identifies their strengths and weaknesses in accordance with

Eurocentric value system, to reveal the close link between religion, education and principles of art and aesthetic education in Central Asian culture. According to the author, despite some limitations in the field of art, due to the principles of Islam, the Kyrgyz people have continued to create their unique art forms in accordance with the internal laws of nomadic civilization.

1867-ой год ознаменовал важное историческое событие в общей истории России и современных республик центрально-азиатского региона – присоединение Александром II территории Западного Туркестана к Российской империи и учреждение год спустя Туркестанского генерал-губернаторства. Обретя в его составе более 8 млн. подданных-магометан, российское правительство поставило перед собой особую задачу – цивилизовать дикий восток, приобщив народы Туркестанского края к общеевропейским культурным ценностям и русскому языку. Принятию такого стратегического курса сопутствовал ряд этнографических экспедиций, имевших целью выявить степень исламизации коренного населения Туркестанского края, собрать информацию о существовавших в регионе конфессиональных школах, оценить силу и характер их влияния на мировоззрение своих воспитанников, а также спрогнозировать вероятностные угрозы, которые несли в себе исламские альма-матер задачам, поставленным российским монаршеством.

Система исламских школ, ориентированных на воспитание учащихся в духе религиозных догматов, сложившись в Арабском халифате при Аббасидах, на территорию Средней Азии пришла в X в. и просуществовала здесь без значительных изменений вплоть до Октябрьской революции. Начальное конфессиональное образование сосредотачивалось в низших школах – мектебах (мактабах). В оседлых поселениях они представляли собой обыкновенную постройку – очень пыльную, с антисанитарными условиями, часто вызывавшими у учеников глазные и кожные заболевания. Классную обстановку мектеба составляли камышовые или войлочные подстилки на полу для сидения учеников и невысокие, длинные и узкие скамьи. Над головами учеников прикреплялся к перекладине деревянный блок (гальтак), к которому подвязывали для наказания провинившихся учеников [15, с. 131].

При кочевом укладе быта киргизского народа обучение было достаточно затруднительным делом, однако неисполнение обязанности учить своих детей грамоте считалось большим грехом. Поэтому пусть на несколько недель, но «киргизы отдавали детей в мусульманскую школу, чтобы исполнить свой родительский долг» [10, с. 8].

Учительского сословия как социальной прослойки в исламском обществе Туркестанского края не было. Обучение «составляло свободную профессию, и учителем мог быть всякий способный для этого дела» [15, с. 120]. Знаменитый казахский поэт, мыслитель и педагог XIX в. Абай Кунанбаев, обучавшийся одновременно в медресе и русской школе в Семипалатинске, заключал, что «учения большинства таких степных учителей ложны и пагубны. Многие из них невежды,

не знают подлинных законов шариата, а избирая путь богослужения, пытаются учить других при всей убогости собственных знаний, учения этих искусителей человечества вредны даже для псевдорелигий. Они на-ходят себе опору среди глупцов, слова их – ложь, свидетельство их учености – четки, чалма и больше ничего!» [2, с. 99].

Тем не менее, ислам рекомендовал мусульманам чтить учителя больше, чем отца с матерью. Вот, как об этом писал А.Ф. Керенским в статье «Медресе Туркестанского края» со ссылкой на немногочисленные исламские педагогические труды: «Тот, кто показал мне хотя бы одну букву, тем самым приобрел надо мною права хозяина; кто преподавал мне хотя бы один стих корана, тот – мой хозяин. Кто не уважает ученых и своих учителей, тот никогда не получит никакой пользы от усвоенных им знаний» [11, с. 40–41]. Такие установки любые слова мусульманского учителя ставили в разряд “a priori” истинных, а потому безоговорочных.

Отправлять мальчика в туземную школу было принято, когда тому исполнялось 6–8 лет. Передавая его вместе с приношением учителю, отец кланялся и просил учить его сына хорошенько, произнося традиционную фразу: «Господин! Мы поручаем вам нашего ребенка. Учите его, бейте. Если даже убьете, мы не будем сердиться. Мясо ваше, кости наши!» [1, с. 184]. Это давало учителю право на телесное наказание ученика, которое зачастую заканчивалось преждевременной смертью последнего.

Стоит оговориться, что такой взгляд на воспитание учеников был присущ именно поздней конфессиональной школе мусульман, в частности среднеазиатской. Руководствуясь в применении наказаний советами знаменитого персидского поэта Саади Шеразского, изложенными в форме поучительных рассказов в книге «Гулистан», туркестанские учителя были уверены, «Кто в детстве не получит воспитанья, Не будет счастья в жизни знать потом; Сгибай сырую палочку как хочешь – Сухую выпрямишь одним огнем» [14, с. 234]. А народная мудрость гласила: «Побой учителя лучше и полезнее ласк родителей» [11, с. 40].

Состояло конфессиональное обучение в заучивании букв арабского алфавита, которые учитель писал на маленьких дощечках или кусках жести (в глуши обходились еще проще – писали буквы на бараньих лопатках), и бессознательном чтении религиозных текстов на непонятном детям арабском языке.

Венцом школьного обучения и единственным средством эстетического воспитания в исламских конфессиональных школах Средней Азии XIX в. была каллиграфия – важный культовый и культурный атрибут ислама, сформировавшийся в результате копирования текстов Корана. Являясь источником богатейших орнаментально-ритмических композиций, каллиграфия получила широкое распространение в странах исламского мира, где изобразительное творчество было ограничено.

Туземный каллиграф ухитрялся писать очень красиво на перегнутом вдвое клочке лощеной бумаги, держа его на воздухе или опираясь на свое колено. Занимательный случай об уникальном среднеазиатском каллиграфе, которому для письма необходима была одна только бумага, описал Н. С. Лыкошин. «Обходясь

совершенно без пера и чернил, – рассказывал исследователь, – знакомец мой целые стихотворения персидских поэтов изображал ногтем большого пальца правой руки, выдавливая на бумаге все мельчайшие подробности букв и даже не скупясь на украшения вроде веточек и цветов» [13, с. 225].

В 1887 г. с утверждением туркестанской администрацией учебной программы для русско-туземных школ, являвшихся симбиозом европейской и исламской школьных систем, под сомнение был поставлен вопрос о целесообразности эстетического компонента обучения в туземных классах. Лишь с согласия родителей-мусульман разрешалось обучать детей рисованию и черчению. Категорически «запрещалось обучение музыке, пению и гимнастике, строго осуждаемых шариатом» [19, с. 69].

Исламскими теологами по сей день ведутся споры о том, являются ли танцы, музыка и различные виды изобразительного искусства харамом (грехом) с точки зрения Священного Писания мусульман. Множество интерпретаций тех или иных аятов (стихов Корана) обусловлено, с одной стороны, их признанной неоднозначностью, с другой, – сложностью перевода Корана, язык и стиль которого принадлежат правившему еще в 6–7 вв. в древней Мекке племени Курайш.

Миссионер и священник Ефрем Елисеев, вспоминая свою полемику с Устькаменогорским и Ахмеровским муллами, писал по этому поводу: «Когда я <...> приводил из Корана явно не сообразные или противоречивые места, то мои собеседники не верили ни мне, ни моему переводу, ссылаясь на то, что Коран, как книга, написанная на арабском языке, на котором говорят сами ангелы, доступна пониманию только ангелов, но отнюдь не простых смертных» [9, с. 8].

Так, касаясь изобразительного искусства, Коран, согласно туркестанским муллам, запрещал ту его часть, которая претендовала на творение максимально приближенное к оригиналу. Творить, согласно Корану, присуще только Творцу – Богу. В подтверждение этой мысли богословы приводили 73 аят: «О люди! Приводится притча, послушайте же ее. Воистину, те, кому вы поклоняетесь помимо Аллаха, не сотворят и мухи, даже если они объединятся для этого» [5].

Столь же пагубным считалось нахождение в жилом помещении натурального изображения любого живого существа, препятствовавшего, в соответствии с Писанием, проникновению в это пространство ангелов, поскольку люди имеют свойство молиться идолам, «забывая о Том, Кому истинно должно молиться и у Кого истинно нужно просить» [4, с. 266]. Вероятно, поэтому мусульмане всех времен считали обязанностью украшать свои жилища преимущественно произведениями арабской каллиграфии, которые напоминали слова и наставления Пророка.

Многочисленные доказательства из Корана и Сунны исламские проповедники Туркестанского края приводили в пользу запрета музыки. Одно из них гласит: «Среди людей есть такой, который покупает потешные речи, чтобы сбивать других с пути Аллаха без всякого знания, и высмеивает их. Таким уготованы унижительные мучения» [12]. Под «потешными речами» толкователи Корана понимали музыку и пение. Греховными они называли, кроме того, любые танцы, ссылаясь на 37-й аят 17-й Суры Корана: «Не ступай по земле горделиво, ведь ты не пробуришь землю и

не достигнешь гор высотой!» [3]. В комментариях к этому изречению имам Абуль Вафа ибн Акиль (1039–1119 гг.) утверждал, что надменность и гордость порицаются в исламе, а танец – есть проявление этого качества.

И поскольку перевод Корана с арабского языка на «природные языки» мусульман Туркестанского края считался большим грехом, а тех, кто владел здесь арабским языком, были единицы, исламское население региона на веру принимало те религиозные догмы, которые проповедовали им служители исламского культа.

Освоившие курс мектеба могли лишь механически читать знакомые книги, выводить буквы, списывать с оригинала. А нередко не умели и этого. В итоге лишь немногие в возрасте не менее 14 лет поступали в медресе – высшие духовные учебные заведения с целью усовершенствования полученного в мектебе образования. По окончании их самый ученый мусульманин, по замечанию М.А. Терентьева, «трактовал о семи-этажных небесах и подкреплял свои доводы ничем иным как кораном. Что человек может, с помощью Аллаха, пролезть сквозь паутину, не прорвав ее, и что луну можно рассечь саблей – это не подлежит сомнению» [18, с. 347].

С момента учреждения Туркестанского генерал-губернаторства мусульманская система образования в крае не могла не вызывать оценочную реакцию со стороны власти: она была признана совершенно неудовлетворительной во всех отношениях – учебно-воспитательном, гигиеническом и жизненно-практическом [8, с. 33].

Реформатор центрально-азиатской образовательной системы первый Туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман утверждал, что «конфессиональная школа не создавала ученых, неспособна была к прогрессу и лишь бережно хранила немногие, совершенно необходимые остатки знаний, какими блистали некогда древние медресе Самарканда и Бухары» [16, с. 430].

Между тем на фоне огромного числа недостатков конфессиональных школ исследователи обнаруживали и них положительные стороны. К примеру, отмеченное И.И. Гейером, «твердое познание мусульманского этикета и мусульманской вежливости, преподавание которых составлял предмет особой заботливости со стороны муллы» [7, с. 49]. Н.П. Остроумов в статье «Мусульманские мактабы и русско-туземные школы» писал о привитии в мектебах учащимся «внешней порядливости, сопровождающейся скромностью и почтительностью» [15, с. 141], так не достававших русским детям. Мусульманская школа поддерживала в подрастающем поколении верность семейным правилам и традициям, не прививая в них новых привычек и потребностей. В значительной степени это объяснялось патриархальностью всех сторон жизни магометан, основанной на исламских догмах, неколебимых современными теориями социальных наук.

Что касается киргизской культуры, то, несмотря на многочисленные запреты и ограничения, подвергнувшись исламизации лишь поверхностно, она развивалась по своим внутренним законам – законам кочевого тюркского мира. С переходом скота в горы киргизы временно подновляли в себе кочевые инстинкты и пользовались свободой и простором. Оставив после себя в силу своего образа жизни не так много письменных и материальных свидетельств, киргизы создали

уникальный фонд произведений устного народного поэтического и музыкального творчества, сформировав неповторимый пласт авторов-исполнителей:

- «ырчы» – певцов-импровизаторов, слагавших песню на любую тему без предварительной подготовки, на ходу;
- «сынчы» – представителей индивидуального творчества, в поэтической форме рассуждавших о будущем человека, о скрытых свойствах и качествах людей, коней, окружавших вещей и предметов;
- «чечены» – мастеров красноречия и иносказания, в арсенале которых было множество ярких умозаключений, сатиры и юмора для высмеивания отрицательных черт характера людей;
- «жомокчу» – талантливых исполнителей эпических памятников и эпосов;
- «манасчы» – сказителей известного во всем мире киргизского эпоса о богатыре Манасе.

Яркими представителями киргизского музыкального творчества являлись народные певцы-импровизаторы – «акыны». Профессиональный историк и государственный деятель А.И. Левшин, путешествуя в 1820 г. по Средней Азии, писал что «всякий из них сам сочиняет, мешая разные мысли свои с изображениями встречающихся глазам предметов. Всякий сам импровизатор» [6, с. 224]. В конце и между куплетами песни звучали инструментальные отыгрыши на комузе – киргизском трехструнном щипковом музыкальном инструменте.

О музыкальности киргизов вспоминал П.П. Семенов-Тянь-Шанский в своей книге «Путешествие на Тянь-Шань» в 1856 г.: «Манап Балдысан страстно любил музыку и считался между кыргызами лучшим музыкантом. Заслушивался песнями народных сказителей и импровизаторов, иногда проводя подобным образом целые ночи. С особенным удовольствием по предложению путешественников Балдысан сыграл на комузе. Он пригласил и других сказителей эпоса, которые монотонно, непривычно для непосвященного уха пели свои былины под звуки комуза, а также импровизировали песни, в которых, по словам бывших тут же переводчиков из казаков, прославляли поездки русского Тамыра (друга) на побережья Иссык-Куля и к истокам Нарына» [17, с. 292].

Синкретическое видение вечно движущейся и изменяющейся природы в непосредственном живом созерцании, без анализа, развивало у киргизов, воображение и творческую фантазию. Возвращаясь к своему натуралистичному бытовому укладу после прохождения короткого курса обучения в конфессиональном училище, киргизские кочевники, вновь обращались к природе как безграничному источнику вдохновения, эстетического наслаждения и новых форм творчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаза К.К. Завоевание Туркестана. – М.: Кучково поле, 2008. – 256 с.
2. Абай. Слова назидания. – Алма-Ата: Жазушы, 1970. – 128 с.
3. Аль-Исра (Ночной перенос), 37-й аят из 111 [Электронный ресурс] // Коран онлайн. – URL: <http://quran-online.ru/17:37> (дата обращения 31.05.2015).

4. Аль-Кари 'А. Миркат аль-мафатих шарх мишкят аль-масабиx: в 11 т. – Бейрут: Аль-Факир, 1992. – Т. 8. – 3500 с.
5. Аль-Хаджж (Паломничество), 73-й аят из 78 [Электронный ресурс] // Коран онлайн. – URL: <http://quran-online.ru/22:73> (дата обращения 31.05.2015).
6. Асанканов А.А., Осмонов О.Д. История Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней). Учебник для вузов. – Бишкек: Илим, 2002. – 500 с.
7. Гейер И.И. Весь русский Туркестан / Изд. С. Р. Конопка. – Ташкент: Тип. «Турк. т-ва печатн. Дела», 1908. – 338 с.
8. Джунушалиева Г.Д. Культурная политика государства в Кыргызстане: этапы и пути реализации (вторая половина XIX в. – конец 30-х гг. XX в.). – Бишкек: Илим, 2005. – 154 с.
9. Елисеев Е. Записки миссионера Буконского стана Киргизской миссии за 1892–1899 гг.: (С портретом и автографом автора и с 13 рисунками из миссионерской жизни). – СПб.: Тип. СПб. акц. о-ва печ. дела в России Е. Евдокимов, 1900. – 21 с.
10. Иш-Мухаммед Букин. Физическое и умственное воспитание у киргиз. – Ташкент, 1883. – 15 с.
11. Керенский Ф.М. Медресе Туркестанского края // Журнал Министерства Народного Просвещения. – Ч. ССLXXXIV. – Ноябрь. – 1892. – СПб., 1892. – С. 18–52.
12. Лукман (Лукман), 6-й аят из 34 [Электронный ресурс] // Коран онлайн. – URL: <http://quran-online.ru/31:6> (дата обращения 31.05.2015).
13. Лыкошин Н.С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. – Петроград: Тип. Б.Д. Брунера, 1916. – С. 225.
14. Мушрифаддин Саади. Гулистан. Розовый сад / Пер. с персидского Р. Алиева. – М.: Гос. изд. худ. лит., 1957. – 323 с.
15. Остроумов Н.П. Мусульманские мактабы и русско-туземные школы в Туркестанском крае // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1906. – №1. – С. 113–166.
16. Проект всеподданнейшего отчета Ген.-Адъютанта К.П. фон-Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского Генерал-Губернаторства. 7 ноября 1867 – 25 марта 1881 г. – СПб., 1885. – С. 430. – 503 с.
17. Семенов-Тянь-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 гг. Мемуары: в 4 т. – М.: ОГИЗ, 1946. – Т. II. – 256 с.
18. Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. – СПб.: Тип. П.П. Меркулова, 1875. – 354 с.
19. Храпченков Г.М., Храпченков В.Г. История школы и педагогической мысли Казахстана. Учебное пособие. – Алматы: Ун-т «Кайнар», 1998. – 167 с.